

К 150-ЛЕТИЮ МАЛОГО ТЕАТРА

ПУБЛИКА ЕРМОЛОВОЙ

Из ста пятидесяти лет истории Малого театра пятьдесят связано с именем М. Н. Ермоловой. Она возшла на подмостки, когда Россия жила идеями народничества, и покинула театр первой народной артисткой республики. «Эпохой русского театра» назвал ее К. С. Станиславский.

Мы публикуем сегодня новые документы из архива М. Н. Ермоловой, которые характеризуют отношение зрителей к актрисе, помогают понять, кем она была для своих современников.

«До моего сведения дошло официальным путем, что 25 февраля по окончании бенефиса артистки г-жи Ермоловой у актерского подъезда Малого театра собралась толпа учащейся молодежи, к которой присоединились многие воспитанники Технического училища. Когда г-жа Ермолова села в карету, то молодежь при криках и рукоплесканиях окружила ее плотной массой, некоторые из молодых людей заняли козлы, верх кузова, поместились на приножках и ресурсах кареты и с криками «браво», не слушаясь напоминаний полиции, толпою сопровождали экипаж артистки до ее квартиры.

Увлечение артистическим талантом есть безо всякого сомнения чувство высоко-нравственное, свойственное каждому образованному и благовоспитанному человеку, но оно теряет свою силу и свое значение, если проявляется в грубой форме, которая нарушает другое столь же высокое нравственное чувство, а именно: уважение к законности, к правилам общественного приличия и к установленному обществу порядку».

Это объявление директора Технического училища хранится в фондах Театрального музея имени А. А. Бахрушина.

Винновницей нарушения «общественных приличий» была двадцатипятилетняя М. Н. Ермолова в роли Юдифи; это она вызвала неудержимый восторг молодежи, которую полиция разгоняла и арестовывала.

Уже после второго акта, как сообщалось в газетной рецензии, «весь почти антракт не унимался оглушительный гул криков, возгласов и аплодисментов, и из обоих верхних ярусов белые платки развевались без перерыва».

Зрители «верхних ярусов» — это все та же учащаяся молодежь, разночин-

цы, «ермоловская публика», которая с первых шагов актрисы почувствовала в ней выразителя своих идей и устремлений.

А вот партерная публика далеко не сразу приняла Ермолову. Один из рецензентов писал после спектакля «Уриэль Аноста»:

«...Должно быть, почитатели г-жи Ермоловой принадлежат не к такому богатому классу, как поклонники других наших главных актрис. Кроме изящной корзинки из цветов, мы что-то не заметили никакого другого приношения и никакого ценного подарка».

Есть ценности и ценности. И, может быть, как раз то, что понимала под ценностями Ермолова и чем она дорожила, характеризует ее лучше всего.

В архиве Ермоловой сохранилось множество посланий лиц безвестных, подписанных просто — «Зритель», просто — «Учащаяся молодежь», она берегла их до конца жизни.

Среди книг ее библиотеки хранится четырехтомник Н. А. Некрасова. На титульном листе первого тома надпись: «Марии Николаевне Ермоловой от студентов-техников. 26 марта 1878 года». Не те ли это студенты Технического училища, которые превращали выступления артистки в политические демонстрации?

Этот подарок из разряда «неценных» был вдвойне ценен для актрисы. Незадолго до этого, в январе, она выступила в концерте, посвященном памяти только что умершего Н. А. Некрасова. Она прочла «красольное» стихотворение А. Л. Боровиковского «Смолкли поэта уста благородные».

Ермолова никогда не отказывалась выступать в концертах, которые устраивались под маркой помощи «инородным студентам». Т. Л. Щепкина-Куперник пишет, что средства от этих кон-

цертов «шли не только на помощь нуждающимся студентам, но и на революционные цели». И это отлично известно было всем участникам концертов и, конечно, Ермоловой тоже.

По крайней мере два поколения русской демократической интеллигенции выросли, сформировались под влиянием тревожащего искусства Ермоловой.

В 1908 году, когда после целого года перерыва Ермолова вернулась на сцену Малого театра и выступила в роли Кручинной в «Без вины виноватых» А. Н. Островского, она получила такую телеграмму:

«Как благодарить, как выразить то, что переживаешь, смотря вас, Отрадину. Юношей я молился на вашу Орлеанскую деву. Не выдал вас десять лет, и те же вершины искусства, та же чудная власть, будьте благословенны. Петербуржец».

Бесценным в глазах актрисы было это выражение любви не назвавшего себя зрителя. Вот почему, наверное, безымянными письмами она дорожила больше всего — их диктовал один только душевный порыв.

И еще документ, сохранившийся в ее бумагах, письмо молодого актера (тоже не назвавшего себя), которое Ермолова получила незадолго до своей смерти, в 1927 году. Прошло уже 6 лет, как она совсем оставила сцену и уединенно жила в своем доме на Тверском бульваре. Вот строки из этого письма.

«Когда артист сходит со сцены — его быстро забывают. Это закон природы. Ваш великий талант помнят не только люди средних лет, но и большинство молодежи. Нет слов, чтобы как-то суммировать те чувства, мысли, впечатления, какие вызывала ваша жизнь на сцене. Ведь после вашего спектакля видеть — и на душе радостно, светло, и всем хотел бы сделать добро. И если мы теперь лишены возможности видеть вас, то в сердце жив еще тот огонь, который вы заронили в нас. Ваше имя часто останавливает от дурного, зовет к светлому, к истинному искусству, к правде».

Ермоловская публика... Документы рассказывают нам о ней, рассказывают о том влиянии, которое оказывала актриса на общественную жизнь своего времени. Публикуя эти свидетельства современников, мы получаем новые подтверждения словам В. И. Немировича-Данченко о том, что в издании портретов борцов за свободу портрет М. Н. Ермоловой должен занять одно из самых почетных мест.

И. РОДИОНОВА.